

Золотые чаевые Новые одесские рассказы

Моя Молдаванка

Поселившись в самом ядре Молдаванки, бандитском райончике, где в свое время Бабель снимал комнату, мне только оставалось записывать увиденное. Не спорю, времена изменились, как и сам район. Лет пятьдесят назад в дворике было три наливайки. Тетя Лора держала даже кафе "Минутка", куда шли со всех окрестных домов пропустить шкалик. Сейчас же клиенты грохочут по вибрирующей железной лестнице за более крепким зельем. Его везут пароходами из Латинской Америки в Одессу, скрывая в тайниках, например, в печах, пущенных на металлолом, или в брикетах, запрятанных в кафеле. Раскрытой контрабанды наркотиков тонны. Но еще больше того, что не нашли. Через агентуру белый порошок распространяется по Одессе, мелкими партиями поступая на Молдаванку.

— Боже, как тяжело без дозы, — вздыхает женщина с подбитым глазом у порога магазина. — Тебе-то хорошо, — обращается она ко мне. — Не надо ничего искать. А я вот день за прилавком отстояла. И половину выручки отдай, — она затягивается дешевой сигаретой.

Чуть поодаль под деревом сидит маленький грязный сгорбленный человечек. Утром, когда я проходила мимо него, он еще стоял. Одет был в трусы и майку. К полудню устал и уже сидит, облокотившись о ствол. Кто-то принес ему штаны, рубашку, в которых еще сильнее видна его худоба. Рядом сумка с хлебом и консервами. Добрый одесский народ. Сердобольная женщина хлопчет возле него. Пытается распросить, что с ним.

— Тут болит, — говорит он, показывая на грудь.

— Я звонила в милицию, — говорит женщина, — там сказали, что ничего сделать не могут. А ведь ему плохо. Его, наверно, ударили по голове и обокрали.

Начинаем расспрашивать. По слову выуживаем историю. Жил в городе Изюм, были жена, дочка. Возвращался с работы, предложили подвезти на машине. Очнулся — разут, раздет, без денег. Пытался идти домой. Но больше не может. Нет сил.

Как человек, неопытный в таких делах, вызываю "скорую". Вежливо объясняю ситуацию. Машина приезжает через пятнадцать минут, как положено.

— Спасибо вам, девочки, — укоризненно говорят санитары, выходя из машины и оглядывая "больного". — Мы этого клиента уже два года знаем. Привезем в больницу — он все равно сбежит. Из приюта сбегал. Таких ничего не берет. А нам только работа.

Но мы все равно следим, как "дедушку" усаживают в машину вместе с дарами одесситов.

Больше этот бомж на нашей улице не появляется. Может, в самом деле, отправили в Изюм. Ведь приют для таких особ закрыли. Содержать их негде.

По дороге на Привоз замечаю еще несколько существей. Благо тепло, растянувшись, спят на асфальте. Другой занял скамейку на остановке. Никто теперь сесть не может, пока не проспится уличный постоялец. Женщина с ребенком на руках, бабушка с костылем ждут трамвая. Но вагоновожатая при всем желании проехать к остановке не может. На рельсах припарковалась "Тойота-Камри". Сигналы, зов никакого действия не оказывают.

— Мужики есть? — зовет водитель.

Все мужское население без лишних слов и возражений выходит из трамвая и переносит автомобиль с рельсов. Ехать-то всем надо. В набитый салон протискиваются люди.

— Если вы двери сломаете, ждать придется еще час, — обещает водитель, — нежнее, пожалуйста. Девушка, станьте на верхнюю ступеньку. Вот умница. Ну, поехали.

Два метра едем, пять минут стоим. Пробка от Привоза до вокзала. Каждый норовит проехать и никого не пропускать. Пешеходы мечутся перед автомобилями. На Привозе о красном светофоре почему-то забывают, потому что "Мне надо туда, а все остальные подождут".

На рынке на прилавках надписи "очень свежая рыба", и даже "живая рыба".

— А шо ж вы хотите, шобы она еще шевелилась за такие деньги? — возмущается продавщица. — Даром же отдаю.

Даром пробую капусту из огромных бочек. Возле меня парень с девушкой делают то же самое с огромным наслаждением на лицах.

— Гоните их, это студенты! — слышится возглас.

Но все равно молодые люди голодными не останутся. Впереди молочный корпус с жирным творожком, упругой коровьей брынзочкой, сметан-

кой, намазанной на кисть руки, домашней колбаской с изюминками сала и сладкими медовыми мгновениями.

С огромными сумками добредаю до остановки трамвая. Правда, указателей, что здесь нужно его ждать, нет. Вокруг море цветов — астр, георгинов, роз. Сторонюсь покупателей, которые с удовольствием выбирают дешевые букеты.

— Не загораживайте мне прилавок, — угрожает мне продавщица мелкой утвари.

— Так вы же на остановке устроились! — удивляюсь в ответ.

— А ты не хами! Мы тут все время стоим, — гонит меня торговка.

Благо подъезжает трамвай, куда с напором влетает толпа, унося меня внутрь вагона.

* * *

Моя остановка предпоследняя — Алексеевская площадь. От ее былой славы, рынка, оживленной улицы осталась хлебная будка, уже закрытая по причине банкротства. В ней продавались вкусные бублики с маком и кунжутом. Рядом строится Алексеевская церковь. Выкупив земли, оборудованные под стоянку, силами настоятеля и богобоязненных спонсоров готовы уже стены и золотые купола. Дело за малым. А пока приход помещается в одноэтажном здании напротив.

— Все удивлялись, зачем мне это надо, — разоткровенничался раз со мной священник, — а мне по душе церковная жизнь. Вот в Иерусалим за святым огнем еду. Благодарь.

С прошлого в Алексеевском местечке осталась булыжная мостовая. Трамвай гремит, катится по ней. Ее практически не ремонтируют. А автомобилисты предпочитают ехать лучше по булыжнику, чем по просевшему асфальту с ямами и канавами.

Осенью и весной асфальт, словно корова слизала, исчезает с Алексеевской дороги. Не зная броду, не будет ходу. Новички-водители застревают колесами в ямах, которые, скорее всего, ведут в катакомбы. Вовремя не выберешься — можно и под землей оказаться.

Но яму засыпают постоянно. То щебнем, то гравием, то песочком. Булыжниками закидывали. Все в нее уходит. В общем, рот Земли.

На остальные прилежащие дороги и тротуары, понятно, уже ни сил, ни денег не остается. С плохим зрением обязательно подвернешь ногу. В темноте нужно ступать, нащупывая ногой ровную поверхность. Это тренирует внимательность и не дает расслабляться, так сказать, держит в тонусе, когда идешь усталый с работы. Но, тем не менее, успеваешь замечать,

как переливаются золотом листья кленов в парке, кружатся и падают на землю. Воздух пряный, наполненный ароматами осени, но еще теплый.

— Все бегаешь? — замечает соседка, направляясь в парк, неуклюже переваливаясь, словно утка. — Вот я свое отбегала. Была поварихой. Таскала огромные канны. Грыжу заработала. Слава богу, сейчас на пенсии. Дотянула. Теперь готовлю, стираю, детям помогаю. И еще время есть в парке посидеть.

На воротах во двор снова новый код. Недавно вселившийся хозяин одноэтажного дома в нашем дворе опасается за сохранность своей иномарки. Правда, заветные цифры через несколько дней знает вся улица. Раньше приходили за семечками, которыми торговала бабушка Роза. Сидела у ворот на скамеечке. И насыпала всем тыквенной и подсолнечной радости. Сейчас продают в пакетиках. Но семечки в них не такие вкусные и отдают пластмассой. А Роза так жарила, что ароматом пропитывались карманы и долго пахли даже после стирки.

Открываю дверь и сталкиваюсь с орущим малышом. Он хочет выехать на велосипеде на улицу. Но мама не пускает. Мчится навстречу мне, чтобы пресечь попытку ребенка выйти в окружающий мир. Во дворе царит детская идиллия: девочки и мальчики, мал мала меньше, играют, бегают, катают машинки. Три мамы зорко стерегут их, как наседки, пока остальные родители работают или ходят по базарам. Что-то, а традиции двора как большой семьи свято сохраняются. Никакие баталии и перипетии не могут разрушить устоявшееся мировоззрение одесского дворика. Любимое место посиделок — большая скамейка — никогда не пустует вечером. Одно время она поломалась. И соседи дружно собрались деньгами, установив новую и даже покрасив. Дерево, торчащее над ней, начало сохнуть и ронять ветви. Опять собрались — и срезали его.

Скамейка — священное место, где вечером устраиваются посиделки. Бутылка и два стаканчика, соленый огурчик, тарелочка с колбаской, и скоро дуэт становится квартетом, секстетом и шумной компанией. Выносятся стол, и все съестное из кухонных уголков и холодильников перебазировается на улицу. Водки никогда не хватает, ее закупают самогонкой вчерашнего приготовления. Лица красные, добрые, разговор течет рекой. Все тайны навыворот, все двери открываются, и глаза на этот мир тоже... Соседская девочка, на вид лет девяти, оказывается шестнадцатилетней. Из-за того что отец наркоман, у нее страшная неизлечимая болезнь. Первому старшему ребенку посчастливилось. Родился нормальным. А вот дочка расплачивается за

грехи отца. Именно к ним и ходят по гремящей расшатанной лестнице клиенты, кореша, поставщики.

На первом этаже под ними пожилая мать Любка и взрослая дочка Ольга. Каждое утро Любка отправляется с коляской на поиски съестного в "альтфатерах" — мусорниках. У Ольги двое детей от разных ухажеров. Но из-за ее постоянной пьянки их забрали в интернат. Однажды вечером взбешенная парами самогонки Ольга проломила матери голову. Но после пребывания в милиции и принудительного лечения в ее голове что-то перешелкнуло. Она устроилась дворником в ЖЭК, и ей аннулировали долги за коммунальные услуги. По вечерам из их квартиры подымается нестерпимый тошнотворный запах. Любка разбирает найденные в "альт-фатере" сокровища. И готовит еду из этих объедков.

На самом верху живут поп с попадшей. "Священника", так он именуется, в свое время выгнали из церкви за чрезмерное употребление спиртного. Он организовал собственный бизнес. Взял лицензию, и как частный батюшка ходит крестить, молить, отпевать. Так что на хлеб с маслом на старости и автомобиль "Мерседес" он уже себе заработал. Попадья, как все книжные прототипы, имеет вреднодушный характер. И пишет кляузы на всех соседей. И всегда всем недовольна. Ее никогда не увидишь на дворовой скамейке. А только выглядывающую с заостренным любопытным курносом носом из окна веранды. Услышав недоброе слово где-нибудь в отдаленном конце двора, она пытается выяснить отношения, впрочем, не спускаясь со своего наблюдательного пункта, а метая едкие фразы врагам через пространство двора. Потому так часто разгораются дикие скандалы, иногда с метанием тарелок и прочих нужных и не очень вещей.

Такую атмосферу двора соседи считают весьма дружелюбной и умиротворяющей.

Несмотря на драки и ссоры, все друг другу доверяют. Не то что тридцать лет назад, когда квартиру нельзя было оставить открытой. Никто не знал, что тихоня Дунька ворует все, что ей попадется на глаза. Как-то тетя Дора, редкая хозяйка и умница, нажарила на день рождения толстолобика. Получилась большая кастрюля. Вынесла на веранду. А через пятнадцать минут посудина исчезла. Где искать, никто не знал. Видеокамер в ту пору не устанавливали. Зато Дунька так наелась рыбы, что аж в больницу попала с отравлением. В следующий раз она ограбила квартиру толстозадой Сары. Дома была только ее семилетняя дочка Мила. Незнакомая женщина попросила девочку дать ей золото для матери, чтобы почистить. Это была подруга Дуньки, с которой они разделили награбленное. После это-

го она хвасталась соседям, что теперь самая богатая невеста. Но выйти замуж ей так и не пришлось. Когда Дуньку выселили из квартиры за долги и прописали на окраине Одессы, кражи резко прекратились.

— Скажите, а почему вы с нами не пьете? — вопрошает меня полная, как бочка пива, соседка с красным, изъеденным морщинами лицом. Мужа ее недавно не стало. Две дочки неофициально выходили замуж, оставшись матерями-одиночками. И теперь вместе участвуют в посиделках.

— Потому что уже не могу, — отшучиваюсь.

— Я девять месяцев так не могла, — признается старшая дочь Таня, еле проговаривая слова заплетающимся языком. — А сейчас могу.

— Так ты ж кормишь? — спрашиваю.

— Сынок быстрее засыпает, — делится секретом Таня и начинает выть мелодию.

— Сегодня праздник, а где флаги? — вторит ей мать.

— Дура ты, Дуська, — наливает стопку Николай с соседнего двора. Он всегда не прочь задарма выпить.

— Дура, да! — вспыхивает мамаша. — А чью водку пьешь, мерзавец! Ты мне холодильник починил? Сгорел после того, как ты руку приложил к нему. А в нем, как в шкафу, теперь крупы храню, ни на что другое не годен.

— А мне обещал мешок сахара привезти! — включается Дора. — Где, спрашиваю?

— А ну, уходи, давай, — поднимается на защиту дворничиха, размахивая полотенцем.

— Ша, бабы, разошлись, — Николай пытается найти поддержку у соседа Толика. Но ослотившийся парень только зеваёт, обнимая девушку Наташу.

Все это сопровождается выражениями. Потому как они не матюкаются, а на нем разговаривают.

Крик перерастает в драку. Летят стаканы, тарелки. И наконец, победенный Николай в мокрой, пропитанной самогонкой одежде, уходит.

На миг настает тишина. Никто не понимает, почему все так быстро кончилось. И снова берутся за стаканы.

На небе рассыпаются звезды крупным горохом. Светит луна, словно просит выключить слепящий ее фонарь. Но он горит всю ночь. И только на рассвете завсегдатаи двора расходятся, чтобы спать мертвецким сном, не слыша будильников, зовущих кого на работу на базар, не отзываясь на крик ребенка. Управляться с делами домашними приходится дежурным во дворе по этому дню. Мало ли что с кем может произойти.

Самый цимис

Утром ни свет ни заря Соню Абрамовну разбудил звук стиральной машинки. Через тонкие перегородки хорошо было слышно, как она заскрежетала, набирая обороты, и пошла вращать белье соседней.

— Какого беса так рано стирать! — поворочалась под одеялом женщина. Но сна уже ни в одном глазу. Тем более что сверху сосед Степан снова начал прибивать паркет, мелодично постукивая молоточком. Именно в выходные дни он "заканчивал" ремонт. Но, как известно, ремонт — это состояние души, в котором некоторые пребывают всю жизнь.

Чтобы не быть белой вороной, которая ничего не делает и только отлеживает себе бока, Соня Абрамовна начала отбивать мясо. Вчера верная подруга Сара Львовна, работающая в мясном корпусе Привоза, подкинула на отбивные хороший кусочек свинины. На обед должны были прийти дочка с внуками. Усердно отбивая куски, она выстукивала веселую мелодию. Однако сосед стучал громче. Не выдержав состязания, женщина решила пожаловаться подруге на нарушителя тишины. Она вышла на веранду — и обомлела. Общая веревка, протянутая от дома до дома со второго этажа, была полностью завешена простынями и полотенцами. Подруга, подкручивая роликом веревку, пододвинула последний свободный кусок и заняла его своей ночной рубашкой.

— Ты что вздумала? — крикнула Соня Абрамовна. — А мне где вешать?

— Так ты даже не замочила свои простыни, — ответила Сара Львовна, — а мне время не терпит.

— Откуда такая торопь? — поставила руки в боки Соня Абрамовна. — А где уговор: мою половину не занимать? Я зачем половину денег на веревку и ролики давала?

— Ему ж всего полдня сохнуть, — не унималась подруга. — Солнце — вишь, какое жаркое.

— А я вот сейчас машинку запущу, — пригрозила соседка. — Сымай с моей стороны.

— Не сыму.

— Тогда я сама! — Соня Абрамовна потянулась за простыней.

— Не смей! — крикнула Сара Львовна. — Все перепачкаешь своими грязными руками.

— Шо, у меня грязные?

— И рот черный!

Соня Абрамовна задохнулась от возмущения и скрылась в комнате. Через минуту она вернулась с ножницами.

— Вот тебе черноротая, — перерезала она веревку. Белье плавно спланировало на крышу пристройки первого этажа.

— Ах ты, подлая! — скинула с себя косынку Сара Львовна. — Это за все, что я тебе сделала. Вот я облэнерго расскажу, как ты счетчик скручиваешь.

— А ты самогонку гонишь и всю улицу вдрызг спаиваешь, — кричала в ответ довольная содеянным Соня Абрамовна, — я ментам доложу, где ты бутылки прячешь.

— А ты незаконно веранду пристроила! Я в ЖЭК пойду, вот тебя оштрафуют.

— А ты плиту газовую перенесла.

Соседи с интересом стали выглядывать из окон. Зойка с нижнего этажа выбежала и тоже включилась в спор:

— Да закройте вы свои хлебoreзки, у меня ребенка разбудили.

— Ты своим басом его разбудила, — переключилась Соня Абрамовна, — хоть бы пеленки стирала. А то вешает — вонь идет.

— А ты из мусорки вчера апельсины собирала, — ответила Зойка.

— Да я тебя! — рассвирепела Соня Абрамовна, что раскрыли ее тайну. Пенсии, чтобы полакомиться фруктами, не хватало. А тут со склада ящик полугнилых апельсинов выбросили. Как не взять?

Щупленькая Зойка встала в стойку, приготовившись к атаке.

— Не трожь ее, — выдвинула артиллерию Сара Львовна, — я тебе всю харю поломаю.

— Мне? — тыкнула себя в грудь Соня Абрамовна. — Да я все патлы тебе повывываю, — и запустила руку в крашенные рыжие волосы, собранные в хвост.

Та в ответ стала молотить подругу по голове.

— Давай ее, Сонька, — скандировал сверху плотник Степа, отвлекшись от паркета.

— Задай, Сара, неча наших трогать, — поддерживал сосед Петька с противоположного дома.

Сара Львовна схватила чугунную трубу, валявшуюся у двери, и двинула обидчицу. Та, как подкошенная, упала наземь.

— Сделала ее! — только и сказал Петька и побежал вызывать милицию.

— Убийца, — зарыдала Зойка, выбежав с орущим ребенком на руках. — Что стоите? "Скорую" вызывайте.

Милиция и "скорая" приехали одновременно. К тому времени Сара Львовна обнаружила, что не может пошевелинуть рукой, так ей больно.

Утром Соня Абрамовна пришла в себя в палате. Голова ее была обмотана бинтами, глаз заклеен, как у пирата. Рядом на табурете сидела с рукой на перевязи Сара Львовна.

— Возьми апельсинку, — протянула она, — силы восстанавливает. Как ты?

— Башка трещит. И не пили же вчера. Чё это было?

— Петька со Степаном веревку восстановили. И еще одну сделали. Теперь у нас личные, — поделилась соседка.

— Да ну тебя, — махнула рукой пострадавшая.

— Я тебе еще окна выкрашу, мне краску дармовую подкинули, — продолжала тараторить Сара Львовна. — Самый цимис будет.

— Только ты трубу эту от двери убери, а то в другой раз еще под руку подвернется, — оцупала свою забинтованную голову женщина, простив подругу, как делала это уже много раз.

— Уже убрала, — согласилась подруга, — а твоих внуков я борщом накормила и пирожков своих дала. Отбивные твои пожарила. Мяско-то ничего. Я ж плохого не дам. Дочка к тебе в 10 утра придет. Я еще варенье сварю, мне малины принесли.

— А что ментов вызывали? — наконец сообразила Соня Абрамовна, почему соседка так вокруг нее хлопочет. Она приподнялась и внимательно оглядела пришедшую с забинтованной рукой. — Донесли, значит, — проговорила она — На тебя протокол составили? — посмотрела она испытывающе, и тут же добавила: — Узнаю, кто, — харю намылю.

— И я тоже, — поддакнула Сара Львовна, — мы ж вместе сила!

— Сила! — повторила Соня Абрамовна и запихала в рот дольку апельсина, — самый цимис!

